

Е Сяои усмехнулся:

— Вот именно. В делах лавки вам теперь всё равно не разобраться. Сяомэй уже семь, пора бы ей приняться за науки да искусства. Так что займитесь лучше внучкой, вырастите из неё настоящую благородную барышню.

Старушка молча перевела взгляд на замарашку Сяомэй. Могла ли она подумать, что этой бедолаге когда-нибудь улыбнётся судьба и у неё появится шанс стать благородной девицей?

За столом бабушка чувствовала себя словно во сне. Стоило слугам подать очередное изысканное кушанье, как она тут же заговорщически шептала Мо Юэ, допытываясь, во сколько обошлось это блюдо и сколько стоит вон то.

Юноша лишь добродушно улыбался в ответ:

— Сегодня я угощаю, так что не беспокойтесь о расходах.

Пожилой женщине стало неловко, и она поспешила пробормотать, чтобы тот впредь так не тратился.

Мо Юэ продолжал вежливо раскланиваться с ней, отчего у Е Сяои так и чесались зубы.

«Да откуда у тебя вообще деньги? — сердился про себя юноша. — Сам с потрохами мне принадлежишь, а строишь из себя благодетеля на мои же кровные! Ну и прохвост».

Прежде бабушка хоть и относилась к парню неплохо, но стоило ему сесть за стол, как она тут же хмурилась. А всё потому, что этот прожорливый юнец налегал на мясо так, что за ушами пищало. Сам Е Сяои столько не съедал, и старушку это жутко задевало.

Но теперь её мнение переменялось: Мо Юэ показался ей на редкость щедрым и почтительным. Раз уж она всё равно собиралась шить обновки любимому внуку, почему бы не справиться костюм и этому сироте?

Вспомнив слова внука о том, что Мо Юэ тоже остался круглым сиротой, она расчувствовалась:

— Сяо Юэ, зима уже на носу, а у тебя и тёплого платья-то нет. Давай-ка я сниму с тебя мерку да сошью пару стёганных халатов на вате.

Тот без лишней скромности просиял:

— Вот спасибо вам, бабушка!

Е Сяои молча скрежетал зубами. Каков хитрец! Преподнёс чужой подарок как свой собственный, попотчевал старушку за его же счёт, и вот — заслужил такую заботу. Сам хозяин ещё не знал, во что оденется к холодам, а этот приживал уже выторговал себе два тёплых наряда.

Мо Юэ повернулся к нему и победно улыбнулся:

— Твоя бабушка просто чудо.

Е Сяои сердито огрызнулся:

— Ещё бы ей не быть чудом!

По правде говоря, в это нелёгкое время овдоветь и в одиночку поднять двоих сыновей, а после их трагической гибели взять на себя заботу о двоих крошечных сиротах — Е Сяои и его сестрёнке — было подвигом. Пусть у старушки и хватало причуд, она оставалась глубоко достойной и сильной женщиной.

Мо Юэ смотрел на Е Сяои с мягкой, тёплой улыбкой. В этот миг за столом царило такое редкое, почти забытое чувство семейного уюта.

Пока Сяомэй уплетала угощения за обе щёки, Е Сяои, как истинный пришелец из другого мира, с любопытством разглядывал убранство элитного трактира. Вся троица, чувствуя себя провинциальными невеждами, беззастенчиво обсуждала каждую мелочь. Поскольку посторонних в отдельном кабинете не было, они не стеснялись в выражениях.

Мо Юэ благодушно выслушивал их «экспертные» мнения, время от времени мягко поясняя непонятные вещи.

Вскоре Сяомэй, вцепившись в сочную тушёную свиную ножку, подбежала к окну и уставилась на оживлённую улицу.

— Братец, гляди! Какие странные люди там внизу! — восторженно воскликнула она.

Е Сяои с запечённым окороком в руке подошёл ближе и, всмотревшись в толпу, предположил:

— Наверное, чужеземцы?

Подойдя к окну с чаркой вина, Мо Юэ пояснил:

— Это персы и сарацины. В Янчжоу осело немало заморских проповедников и купцов, ищущих

здесь лёгкую монету.

Е Сяои, прожевав кусок мяса, протянул:

— Персия? То бишь будущие Иран с Афганистаном... Кто бы мог подумать, что древний Янчжоу окажется настоящим международным мегаполисом.

Мо Юэ не понял странных названий стран, но уловил суть и решил слегка подразнить юного компаньона:

— Богатство Янчжоу гремит по Поднебесной. Как говорят мудрецы: «В процветании империя равняется на Ян». Не зря его зовут первым среди торговых городов, а Ичжоу ставят лишь следом. По богатству и роскоши равных ему нет.

«Вот оно как, — подумал Е Сяои. — Выходит, Янчжоу — это здешний финансовый центр».

Теперь стало ясно, почему этот проныра Мо Юэ ухитрился за полгода сколотить целое состояние в десять тысяч лянов серебра. Всё дело в благоприятной рыночной конъюнктуре!

Желая умерить пыл своего гордого управляющего, Е Сяои ехидно заметил:

— По пути сюда я слышал поговорку: «Навесив на пояс сотню тысяч связок монет, оседлать журавля и умчаться в Янчжоу». Раз уж сюда стекаются толстосумы с миллионными капиталами, твои успехи выглядят довольно скромно. Придётся тебе поднапрячься.

Мо Юэ придвинулся ближе, заговорщически подтолкнув его локтем:

— Похоже, у тебя созрел новый план?

Юноша заговорщически сощурился:

— Ты здесь уже обжился. Расскажи-ка поподробнее, как устроен местный рынок.

Они склонились над столом, вполголоса обсуждая тонкости ведения дел, полные решимости перевернуть вверх дном весь торговый мир Янчжоу.

Когда обсуждение подошло к концу и пришло время уходить, выяснилось, что бабушка с сестрёнкой времени даром не теряли — все тарелки были вылизаны до блеска. Порадовавшись их отменному аппетиту, Е Сяои заказал ещё несколько сытных блюд на вынос.

Когда они шли по коридору мимо соседних кабинетов, из-за одной полуоткрытой двери донёсся

громкий, раздражённый голос.

— Вот ведь незадача! Не видать мне экзаменов в этом году. Матушка умудрилась преставиться в самый неподходящий момент! Теперь торчи три года в трауре... Ну за что мне это наказание?

Услышав это, Е Сяои замер. Он покрылся холодным потом. Его собственная матушка, Жу Синь, почилла как раз в этом году. Это что же получается... ему тоже нужно соблюдать трехлетний траур?!

«Проклятье! Траур закрывает дорогу к кэцзюй!»

Он ведь уже зазубрил всю «Книгу песен» и строил грандиозные планы: выучить наизусть «Книгу преданий» и в следующем феврале блестяще сдать уездный экзамен, заработав долгожданное звание туншэна.

Кто же знал, что из-за траура его даже на порог испытательной палаты не пустят!

Уже в повозке вконец помрачневший Е Сяои со страхом в голосе спросил Мо Юэ:

— Послушай, а траур действительно лишает права сдавать экзамены? Даже самый первый, уездный? И сколько мне придётся выжидать в моём положении?

Тот удивлённо приподнял брови:

— Ты и этого не знаешь? По законам предков, в случае кончины отца или матери надлежит соблюдать траур в течение трёх лет. Всё это время нельзя занимать государственные должности, да и учёным мужам запрещено участвовать в отборах, пока этот срок не истечёт.

Три года... Е Сяои пришёл в отчаяние. Лимит на использование этого тела составлял жалкие десять лет! Если вычесть три года траура, на весь путь от туншэна до чжуанюаня у него оставалось жалких семь лет?!

Он впервые так яростно проклинал эту дурацкую Систему, которая бесстыдно украла у него целых три года драгоценного времени!

Чтобы окончательно удостовериться в масштабах катастрофы, Е Сяои уточнил:

— Слышал я, что академический экзамен проводят дважды за три года, а провинциальный и столичный — раз в три года. Если сдавать всё без единой осечки, сколько времени уйдёт, чтобы добраться от уезда до самого императорского дворца?

«Дворцовый экзамен? Ну и амбиции у этого мальчишки», — подумал Мо Юэ, а вслух произнёс, показав ладонь и ещё два пальца:

— Полный цикл от уездного до дворцового испытания займёт никак не меньше семи лет.

«Семь лет?!» — Е Сяои испугался. Ведь это ровно столько, сколько у него оставалось!

Он лихорадочно вытащил кисть и бумагу, чтобы составить подробный график:

— Как именно получаются эти семь лет? Распиши мне всё подробно, по датам!

«Не хватало ещё доползти до финала и испустить дух в шаге от победы!»

Мо Юэ принялся терпеливо загибать пальцы, ведя детальный подсчёт:

— Смотри. Допустим, ты начинаешь путь после траура. В феврале сдаёшь уездный экзамен, в апреле — окружной. В случае успеха в том же году тебя допускают к академическому экзамену в префектуре Янчжоу.

Одолев его, ты получаешь звание сюцяя. Но сюцаи бывают разного пошиба. Лучших зачисляют в уездные или окружные училища, а то и вовсе отправляют в академию Гоцзыцзянь, где они переходят под крыло главного инспектора образования. В последующие три года инспектор устраивает ежегодный экзамен — суйши. Итого, от первого уездного порога до завершения суйши уйдёт не меньше четырёх лет.

Если покажешь слабый результат на академическом экзамене, инспектор тебя попросту проигнорирует. А безбилетным аутсайдерам путь на ежегодное испытание заказан.

Ежегодный экзамен проводится дважды за трёхлетний цикл. Сюцяям, плетущимся в конце списков, приходится заново сдавать академический экзамен, чтобы улучшить свой рейтинг и добиться признания наставников.

Дядя Е Цай как раз застрял на этом злосчастном этапе. В префектуре Янчжоу слишком много уездов и невероятное количество претендентов. Пробриться в сотню лучших среди тысяч талантливых книжников — задача почти невыполнимая.

«Мамочки, — с ужасом осознал Е Сяои. — С моими-то скромными познаниями я и за сто лет в эту сотню не протиснусь! А у меня в запасе всего семь лет...»

Решив идти до конца, он спросил с отчаянной решимостью обречённого:

— Ладно, а дальше? Какая ловушка ждёт после этого ежегодного экзамена?

— После суйши наступает черёд люкэ — аттестации, — заговорщически подмигнул Мо Юэ. — Только первая сотня лучших допускается к квалификационному экзамену в следующем году. И лишь подтвердив квалификацию, ты получаешь право идти на провинциальный экзамен, который состоится ещё через год.

«Год после суйши — квалификационный экзамен, ещё год — провинциальный. Выходит, этот отрезок отнимает два года. Плюс четыре года до суйши... Итого шесть лет?!»

«Господи, — обречённо вздохнул он про себя, качая головой. — Доживу ли я вообще до этого светлого дня?»

— Шесть лет — сущие пустяки, неужто не перетерпишь? — усмехнулся Мо Юэ. — А вот провинциальный экзамен — это уже настоящая битва не на жизнь, а на смерть. Проводят его раз в три года, в августе, в главных провинциальных городах. Оттого его и зовут осенними состязаниями. Выдержишь — станешь цзюйжэнем.

Но расслабляться некогда: новоиспечённые цзюйжэни обязаны немедленно отправляться в столицу, дабы в марте следующего года предстать перед весенними состязаниями. Тех, кто попадёт в первую сотню столичного списка, уже в апреле призывают во дворец на решающую аудиенцию, где сам император выберет чжуанюаня.

Е Сяои уныло записал: «Провинциальный экзамен — в августе, в марте следующего года — столичный, а в апреле — дворцовый. Значит, от провинции до финала проходит год с небольшим. Проклятье, вся эта карусель действительно занимает ровно семь лет!»

Апрель... Месяц, когда проводится дворцовый экзамен. Тот самый месяц, когда он очнулся в этом мире!

Дрожа, Е Сяои принялся сопоставлять даты и внезапно побелел. Выходило, что день его величайшего триумфа — ночь оглашения имени чжуанюаня — до секунды совпадал со сроком его неминуемой гибели!

<http://bllate.org/book/18182/1758195>